

Сергей Лебедев культурой занимается по долгу службы и по велению души. По долгу - как научный социолог, специализирующийся на исследовании культурных процессов. По велению души - как книгоиздатель, поэт, бард и публицист. Своими соображениями о современном состоянии отечественной культуры он поделился с

Чем заполнить чердак разума?

- Сергей Дмитриевич, вы изучаете и преподаете в БелГУ социологию культуры и в то же время сами имеете отношение к культурному творчеству. К вам как к эксперту вопрос: как определить сегодня уровень культуры человека?

- Думаю, здесь применимо правило: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, кто ты». Если попросить человека оттолкнуться от того, что он прочитал, посмотрел, пропустил, например, в течение полугода, то по этой выборке можно достаточно уверенно составить представление о его вкусах и - собственно - его культурном уровне.

- А что считаете показателем уровня вкусов?

- Здесь важны несколько показателей: частота обращения к произведениям культуры, их разнообразие, мотивация - для чего человеку нужно. И не в последнюю очередь - содержание. Показательное остается, промежуточное среди предпочтений произведений классических.

- То есть человек, читающий Достоевского или Германа Гесе, «культурнее» любителя детективов и фантастики?

- Классика не обязательно исключает детективы и фантастику. Котати, в этих жанрах есть своя классика. Я убежден, что человек отдающих предпочтение Ивану Ефремову или Роулю Ле Гуин, в культурном отношении в среднем на полголовы выше, чем сто человек, предпочитающих, например, Сергея Лукьяненко.

- Многие скажут, что вы просто не любите этого автора.

- Ну, я не хотел бы называть это словом «нелюбовь». Нелюбовь - это отрицание христианской люб-

ви, совершенно бесплодное и бездарное чувство, неспособное породить ничего, кроме мертвого шипения. К самому автору я отношусь с пониманием: он зарабатывает деньги, реализует свою племенную страсть к писанию. Помимо, один из музыкантов на вопрос о творчестве другого ответил так: а кто такой импрек - я вообще не знаю. Я тогда ему аллюзировал за эту фразу. Она точно выражает отношение человека, имеющего «дар различения» к тому, что ему представляется ниже определенного уровня.

- Тогда вы такого писателя «не знаете».

- Да лучше всего будет сказать так. Я не знаю его как писателя, потому что, как завещал великий Шерлок Холмс, не хочу загромождать чердак своего разума лишними и ненужными вещами - и так там довольно много.

- Но при этом вы беретесь оценивать. А как же «невежество не есть аргумент»?

- Вы меня поймали на моей любимой позиции. Но есть и другое славное изречение: «Не обязательно выпивать всю реку, чтобы узнать вкус воды». Я стараюсь брать проблемы творчества, о которых пытаюсь судить. Но обычно с хорошей литературой (кино, драматургией) это получается само собой, а в других случаях приходится прилагать усилия. Так что я надеюсь, что на выходе получается не просто невежество, а, так сказать, «просвещенное невежество». Как у мыши, которая не хочет знать всей полноты ощущений при попадании в мышеловку.

- Мышеловку массово-культуры, покетбуков и телесериалов... Я правильноНИ понимаю, что деление культуры только

что вы отвергаете всё это на прочь, как то, что подменяет культуру настоящую?

- Все несколько иначе. Юрий Николаев - известный и уважаемый

по принципу «тиражности» и широкой доступности не вполне убедительно. Между количеством копии и качеством произведения нет никакой зависимости. Льва Толстого можно издавать массовыми тиражами или совсем мизерными - он не станет от этого ни «попсовым» писателем, ни «странно далеким от народа». Он остается тем, кто он для нас есть. Принципиальная граница проходит не между тем, что «для масс» и что «не для масс», а между культурой и антикультурой.

- Только где проходит эта граница?

- Я думаю, она там, где начинается название штампов (не важно каких), где подменяются и смешиваются критерии, где зритель, читатель, слушатель исходно воспринимается не как собеседник, а как «объект», которому нужно что-то «выбрать».

- А разве это не связано с массовостью?

- Это связано с отношением к человеку «из массы». И, соответственно, с политикой тех, кто регулирует культурные потоки. Один известный социолог верно отметил, что масскульт был очень развит в Советском Союзе. В качестве самых массовых и культовых примеров он приводил книги Юлиана Семёнова и братьев Байнеров. Но какой это был масскульт! Юлиан Семёнов учил думать и чувствовать, как мало кто другой, учил высокой нравственности. А музыка, один Дэвид Тукманов в «Бытом» жалеет чего стоят! А кино 50-х - начала 80-х? А «классическая» бардовская песня - это разве не массово-культурное явление в самом чистом виде? Сегодня культурная политика инициирует «хорошим» считается то, что хорошо продается. И массовая культура «переформатированась» соответственно.

- Но по общему мнению, преобладают сейчас именно плохая эстрада и телесериалы. Да и фильмы...

- Это не значит, что они не могут быть хорошими. И перекладывать ответственность на жанр совершенно несправедливо и лукаво.

Мол, а что с них взять, с этих мюзиклов - там по определению сплошная пошлинина. А ничего подобного. «Стриля» у младшего Тодоровского можно, конечно,

критиковать, но получились они никак не пошли! Мне представляется, что деление культуры только

носила русскую классику и в то же время её «крезапы»: Николая Гумилева, например, я прочитал только в 20 лет. В стране культуры с тем издавалась масса «макулатуры». В школе зачастую учили самостоятельно и нетривиально мыслить, но тут же обставляли это множеством ограничений и запретов.

Но в этой культуре очень многое возникло не столько «благо-дара», сколько «вопреки» ее идеологическому официозу. Это, на мой взгляд, глубинно русское свойство: «отстраиваться», делать вопросы и несмогут на. Интересно то, что тогдашняя государственная идеология выполняла парадоксальную функцию «вызов», зачастую стимулировавшего добродетельное культурное творчество. Явление Владимира Высоцкого, ставшего символом поздней советской культуры, было ответом творческой личности на этот вызов. И те, кто его слушал и видел на сцене, в кино, учились отделять живое от мертворожденного, зерна от плевел.

- А что в той культуре вы считаете самым ценным для себя? Что вы, так сказать, взяли оттуда в настоящее?

- Книгу. Культура, на которой выросло мое поколение, была основана на юношестве, на любви к чтению и умению читать. Ее символом для меня стала моя бабушка, учитель русского языка и литературы, начинавшая меня читать в раннем детстве. И забытой этой культуры была русская классика - от Пушкина и Лермонтова до Есенина и Бунина. Если в центре личностной культуры стоит книга, то у человека принципиально меняется и восприятие современных средств коммуникации - телевидения, Интернета. Это как некий важный жизненный орган, без которого значительная часть поставляемой нам информации тягается, а другая часть превращается в информационный яд.

- Есть ли шансы сохранить эту книжную культуру, читающих и мыслящих людей в наш век телевидения и Интернета?

- Да, если ее сохранять. Это нужно делать в семье, систематически и с раннего детства. Мы, к примеру, стараемся приучать dochku к ежедневному чтению хороших книг. Сначала - книга, потом - компьютер!

Беседовала
Алевтина ЕЛИСЕЕВА.